

Проф. М. Я. Пергаментъ.

ПАМЯТИ

ДВУХЪ РУССКИХЪ ЦИВИЛИСТОВЪ.

(Энгельманъ и Шершеневичъ).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъячская, № 39.
1913.

СПбГУ

Памяти двухъ русскихъ цивилистовъ.

Истекшій 1912-ый годъ ознаменовался тяжкою и горестною утратой двухъ выдающихся представителей научнаго правовѣдѣнія въ Россіи. На пространствѣ нѣсколькихъ дней, одинъ за другимъ, сошли въ могилу бывшій профессоръ Московскаго университета, Габріэль Феликсовичъ Шершеневичъ (скончался 31 августа) и заслуженный профессоръ, почетный членъ университетовъ Св. Владиміра и Юрьевскаго, Иванъ Егоровичъ Энгельманъ (скончался 4 сентября).

Несторъ русскихъ цивилистовъ, И. Е. Энгельманъ родился въ Курляндіи (Митавѣ). Уже въ 1855 году онъ оставляетъ, со степенью кандидата, Петербургскій университетъ, гдѣ проходил курсъ юридическихъ наукъ и былъ ученикомъ Неволіна. Въ 1859 году за «разсужденіе» на тему «О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву» Энгельманъ удостоивается степени магистра гражданскаго права и вскорѣ послѣ того единогласно избирается Совѣтомъ Дерптскаго университета на существовавшую въ то время каѳедру «*русскаго права*». Здѣсь, въ Дерптѣ, Иванъ Егоровичъ и остается до конца своей жизни, ведя преподаваніе вплоть до середины 1900 года. (Съ преобразованиемъ юридическаго факультета въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ И. Е. занялъ каѳедру «*русскаго гражданскаго права и судопроизводства*»). На поступившія къ нему предложенія перейти въ другую высшую школу онъ каждый разъ отвѣчалъ отказомъ, уступая тѣмъ просьбамъ факультета и Совѣта своего университета, желавшихъ «сохранить такую крупную научную силу».

Несложна съ внѣшней, чисто фактической стороны и біографія Г. Ф. Шершеневича. Родившись въ 1863 году на

югъ Россіи, въ Херсонской губерніи, Шершеневичъ еще въ отрочествѣ оказывается въ Казани. Въ Казани онъ посѣщаетъ гимназію, а затѣмъ университетъ, при которомъ оставляется для усовершенствованія въ наукахъ, въ Казани же онъ становится университетскимъ преподавателемъ, сперва въ званіи приватъ-доцента, а позже, по защитѣ своей второй, докторской, диссертациі обѣ «Авторскомъ правѣ на литературныя произведенія» (1891), и въ качествѣ профессора. Освободительное движеніе и вслѣдъ за нимъ обновленіе нашего политическаго строя отрываютъ на время Габріэля Феликсовича отъ тихихъ, любимыхъ занятій. Его избираютъ въ Государственную Думу, и въ ней онъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ, полезнѣйшихъ, виднѣйшихъ народныхъ представителей перваго созыва. Въ наступившее послѣ того пятилѣтіе, отъ 1906 по 1911 годъ, Шершеневичъ служитъ Московскому университету. Его плодотворная работа въ этотъ періодъ поражаетъ своей интенсивностью, своей напряженностью. Она пресѣкается въ университетѣ, когда, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ выдающихся членовъ автономной коллегіи, Шершеневичъ, въ чуткомъ пониманіи своего долга ученаго и гражданина, отказывается отъ университетской каѳедры, покидаетъ старѣйшій рассадникъ у насъ высшаго знанія...

Ни тотъ ни другой покойный ученый не былъ *только* цивилистомъ. Нѣтъ, оба по всей справедливости могутъ и должны быть названы настоящими энциклопедистами въ наукѣ права. Дотога разнообразны тѣ юридическія дисциплины, которымъ они отдавали свои недюжинныя силы.

И. Е. Энгельманъ — славный вмѣстѣ съ тѣмъ *историкъ русскаго права*. Его «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ» считается и по настоящій день лучшимъ въ нашей литературѣ, а историческій очеркъ крѣпостнаго права въ Россіи, его происхожденія, развитія и отмѣны, компетентные судьи признаютъ вкладомъ научной цѣнности. Равнымъ образомъ и русское *уголовное* право не было вовсе чуждо Энгельману. Въ нѣмецкихъ заграничныхъ изданіяхъ онъ не разъ помѣщаль содержательныя статьи именно по этому предмету. И опять-таки не кто иной, какъ онъ, познакомиль германскій, а при

его посредствѣ и вообще западно-европейскій міръ съ русскимъ *государственнымъ* правомъ, проявивъ себя и тутъ, на попріцѣ догматики отечественнаго публичнаго права, прекраснымъ работникомъ. Трудъ его «Das Staatsrecht des Kaiserthums Russland», вошедшій въ видѣ крупной монографіи въ сборникъ Marquardsen'a, получилъ широкое распространеніе и стяжалъ автору почетное имя и въ данной также области.

Не менѣ многостороннимъ долженъ быть названъ талантъ Шершеневича. Габріэль Феликсовичъ написалъ выдержавшую два изданія «Исторію философіи права»; имъ же написана «Общая теорія права», которая и въ наличномъ, неоконченномъ видѣ, въ предѣлахъ своихъ трехъ появившихся выпусковъ, безспорно, представляетъ интересное, широко задуманное руководство, убѣдительно свидѣтельствующее о синтезѣ мысли и работы составителя. Но въ особенности не приходится, очевидно, забывать, что Шершеневичъ прежде всего—коммерціалистъ, что центръ его ученой и преподавательской дѣятельности, очевидно, не въ иномъ чемъ, какъ въ сферѣ науки *торговаго* права и ея разработки и изложенія. Въ этомъ отношеніи — если даже забыть объ отдѣльныхъ монографіяхъ и статьяхъ, сюда относящихся—достаточно только напомнить объ *основномъ* трудѣ Шершеневича, его капитальнѣйшемъ «*Курсъ торговаго права*» (4 изд., 1908—1912, томы I—IV), вмѣстѣ съ его же «*Учебникомъ торговаго права*», издававшимся многократно и ставшимъ незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго, кто приступаетъ къ изученію русскаго торговаго права.

Но обратимся къ главнѣйшимъ *цивилистическимъ* трудамъ отошедшихъ отъ насъ ученыхъ—цивилистическимъ въ болѣе строгомъ смыслѣ слова. На страницахъ «Вѣстника *Гражданскаго Права*» читателю естественно ожидать, что именно этимъ трудамъ и ихъ характеристикѣ удѣлено будетъ, пусть небольшое, однако преимущественное мѣсто.

Объ диссертациі И. Е. Энгельмана представляютъ изслѣдованія *историко-догматическаго* характера. Обѣ основаны на непосредственномъ и тщательномъ углубленіи въ историческіе памятники и современные первоисточники, обѣ проникнуты духомъ строгой, неподражаемой школы великаго учителя—Неволина. Тонкій анализъ, самостоятельность мышле-

ня, новизна и оригинальность многихъ выводовъ крупной важности, знаніе не только обширное, но и солидное, наконецъ, безупречная добросовѣстность—вотъ тѣ драгоцѣнныя качества, которыя воочію обнаружались въ данныхъ работахъ еще молодого тогда автора и съ полной несомнѣнностью показали уже полвѣка тому назадъ, что въ лицѣ И. Е. Энгельмана русская наука приобрѣла образованнѣйшаго, даровитаго, замѣчательнаго юриста. Спѣшу добавить, что, впрочемъ, не одной только наукѣ это сдѣлалось яснымъ. И судебная практика не замедлила проникнуться тѣмъ же сознаніемъ, почувствовать серьезное для нея значеніе трудовъ Энгельмана. Въ особенности это должно сказать о его докторской диссертациі, посвященной институту давности по русскому гражданскому праву,—работѣ, появившейся сначала на нѣмецкомъ языкѣ, годъ спустя (1868) на русскомъ и потомъ переизданной снова «черезъ треть столѣтія» (1901) не безъ существенныхъ измѣненій, а въ догматической части не безъ коренной даже переработки. Въ этомъ сочиненіи Иванъ Егоровичъ между прочимъ отвѣлъ много мѣста обзорнѣю нашей судебной практики и выясненію своего къ ней отношенія. Надо ли развивать, насколько это отношеніе твердое и принципиальное, рѣшительно независимое отъ какихъ-либо постороннихъ и проходящихъ тенденцій? Требуется ли свидѣтельствовать, что заблужденія нашего Кассационнаго Сената находили въ авторѣ судью прямолинейнаго, рѣшительнаго, суроваго? «Неправильный взглядъ въ кассационномъ рѣшеніи» томъ-то, «неправильность толкованія» Сената такая то, «примѣры вредныхъ послѣдствій... толкованія въ рѣшеніи 20 января 1893 г.» и т. д.—вотъ неліцепріятные отзывы, пестрящіе уже на страницахъ оглавленія книги «О давности». Эти отзывы недвусмысленно говорятъ объ оцѣнкѣ, которую покойный признавалъ для себя обязательнымъ дать извѣстнымъ проявленіямъ дѣятельности нашей высшей судебной инстанціи въ ея «разъясненіи точнаго разума закона».

И гражданскій процессъ—это «формальное» гражданское право—привлекалъ усиленное вниманіе И. Е. Энгельмана.

Въ коллективномъ нѣмецкомъ изданіи Leske и Loewenfeld'a, «Die Rechtsverfolgung im internationalen Verkehr», отвѣтственный и большой отдѣлъ о «Civilprocess» въ Россіи, а равно о русскомъ конкурсномъ правѣ, наслѣдованіи и кон-

сультской юрисдикціи обработанъ Энгельманомъ. (Въ «дополнительномъ» томѣ мы еще встрѣчаемъ имъ же составленный очеркъ русскаго брачнаго права,—точнѣе, вступленія въ бракъ и расторженія брака). Изъ переработки первой части даннаго отдѣла, въ связи съ потребностями преподаванія, возникъ нѣсколько позже «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства» (1899), въ своемъ третьемъ изданіи (1912) выросшій уже и формально, по своему заглавію, въ цѣлый «Курсъ» отечественнаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства.

Въ предисловіи къ этому—по своему замыслу и выполнению пока единственному или почти единственному у насъ—труду Иванъ Егоровичъ высказываетъ мысли, заслуживающія полнаго сочувствія по своей правильности, разумности, трезвости.

«Наука... гражданскаго процесса—учить онъ—разрабатываетъ юридическія понятія и правила по преимуществу съ точки зрѣнія ихъ *практическаго* (курсивъ мой) значенія, оцѣнивая ихъ такъ или иначе, смотря по тому, насколько они на самомъ дѣлѣ содѣйствуютъ или препятствуютъ охранѣ или осуществленію правъ. Формальности и правила, не достигающія этой цѣли, наукой отвергаются; она не признаетъ за ними самостоятельнаго значенія. Поэтому *отвлеченно-догматическая схоластика не должна имѣть въ ней мѣста*». «Съ другой стороны», продолжаетъ авторъ, наука «чужда буквоѣдства, сопровождаемаго стремленіемъ основывать каждое право, каждое опредѣленіе суда на спеціальной статьѣ закона. Юристъ долженъ мыслить логически, *соображая частныя правила съ общими понятіями и принципами*, положенными въ основаніе даннаго процесса, и самостоятельно выводитъ эти правила, при ихъ отсутствіи въ законѣ, на основаніи общихъ понятій и принциповъ». И далѣе: «Отсюда же право юриста *критиковать дѣйствующее право* съ точки зрѣнія послѣдовательности проведенія въ жизнь положенныхъ въ основу закона общихъ началъ и степени приспособленности устанавливаемыхъ имъ частныхъ правилъ къ достиженію преслѣдуемыхъ имъ цѣлей».

Повторяемъ: вѣрныя и счастливыя мысли! А между тѣмъ: можетъ ли освѣдомленный юристъ отрицать, что и по настоящій день какъ въ гражданскомъ процессѣ, такъ и въ наукѣ

его, мы еще далеки отъ осуществленія въ достаточной мѣрѣ сейчасъ указанныхъ правдивыхъ и спасительныхъ положеній и требованій?

«Наиболѣе важными произведеніями Г. Ф. Шершеневича—писаль я въ другомъ мѣстѣ («Право» 1912)—доставившими ему не только почетную, но и чрезвычайно широкую извѣстность, должны быть признаны—въ области гражданского права такъ же точно, какъ въ области права торговаго—не какія-либо спеціальныя изслѣдованія монографическаго типа, не работы, посвященныя детальному выясненію тѣхъ или иныхъ частныхъ вопросовъ и проблемъ. Нѣтъ, это труды иного характера, это цѣлые обзоры преподававшейся Шершеневичемъ науки, это, во-первыхъ, его «Учебникъ русскаго гражданского права» и, во-вторыхъ, «Курсъ гражданского права».

Безспорно, Габріэль Феликсовичъ немало потрудился въ нашей области и монографически. Въ дополненіе къ уже извѣстному намъ изъ предыдущаго «Авторскому праву» я отмѣчу, въ видѣ только одного примѣра, его оригинальную книгу «Наука гражданского права въ Россіи», съ ея увлекательно написаннымъ «Заключеніемъ» о господствующей у насъ розни между теоретической и практической юриспруденціей и причинахъ такого «въ высшей степени печальнаго явленія современной русскаго правовой жизни».

И все же, несмотря на всю полезность этихъ работъ Шершеневича, наше утвержденіе о преимущественномъ значеніи его *общихъ* трудовъ должно быть оставлено въ полной силѣ. Ибо именно въ нихъ, этихъ произведеніяхъ общаго, синтетическаго, своднаго содержанія, всего полнѣе и сильнѣе, всего лучше сказались свойства и особенности дарованія Габріэля Феликсовича.

Настольная книга всякаго русскаго цивилиста, «Учебникъ русскаго гражданского права» проф. Шершеневича (10 изд., 1912), какъ въ фокусѣ, отражаетъ всѣ сильныя—однако и слабыя—стороны творчества автора. Здѣсь необыкновенно важное *сочетаніе* догматической обработки съ обсужденіемъ историческимъ и освѣщеніемъ цивильно-политическимъ, критическимъ; законодательства съ судебной практикой и научной литературой; сочетаніе права своего, отечественнаго съ правомъ Западной

Европы—Франціи, Германіи, Англіи,—и притомъ такое, что налицо оказывается элементъ также *сравнительно-правовой*. Насколько цѣнно и важно подобное многообразное и гармоническое объединеніе названныхъ методовъ и элементовъ, не требуетъ, конечно, поясненія. Но, съ другой стороны, нельзя не признать и того обстоятельства, что *выполненіе* — правда, болѣе чѣмъ трудной — задачи не всегда находится на абсолютной высотѣ. Юридическій анализъ, правильность конструкціи, точность формулировки, нѣкоторая техника — эта часть дѣла нерѣдко оставляетъ желать лучшаго. И самые горячіе поклонники таланта Габріэля Феликсовича не станутъ здѣсь спорить. Но зато какъ отрадно въ томъ же руководствѣ постоянно выдвиганіе авторомъ *экономическаго* значенія института, его *соціальной* роли, поставленіе института въ прямую и тѣсную связь съ жизнью и ея нуждами. Другое крупное достоинство «Учебника», къ тому же особенно характерное для нашего писателя, это чрезвычайная ясность и живость мысли — качества, которымъ отвѣчаетъ какъ нельзя лучше удивительная простота и наглядность, порою настоящая художественность согрѣтаго чувствомъ изложенія.

Наконецъ, еще одна черта заслуживаетъ, безспорно, вниманія. Мы имѣемъ въ виду энергичное, принципиальное и послѣдовательное—какъ въ данномъ трудѣ, такъ и въ прочихъ трудахъ — проведеніе Шершеневичемъ начала *законности*. «Только это начало—говорится въ статьѣ «Примѣненіе нормъ права»—совмѣстимо съ идеей правового порядка». «Пользованіе противоположнымъ принципомъ, началомъ цѣлесообразности, полно общественныхъ опасностей». Конкретныхъ примѣровъ того, какъ Габріэль Феликсовичъ понималъ и примѣнял означенное начало, можно бы привести множество. Я ограничусь только однимъ, связаннымъ для меня съ личнымъ воспоминаніемъ. Этотъ примѣръ вмѣстѣ съ тѣмъ покажетъ, съ какой неуклонностью, чтобы не сказать: педантичностью — Шершеневичъ былъ способенъ держаться проповѣдуемаго имъ принципа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пишущему эти строки, въ бытность его профессоромъ Петербургскаго университета, было поручено Совѣтомъ и юридическимъ факультетомъ университета дать свое заключеніе по одному вопросу, вставшему въ то время предъ нами. Вопросъ заключался въ томъ,

въ правѣ ли университетъ принять участіе въ постановкѣ памятника своему знаменитому ученому, покойному Д. И. Менделѣеву,—точнѣе, въ правѣ ли университетъ внести и свою лепту въ общую массу пожертвованій на эту цѣль.

«Заключеніе» распадалось на двѣ части. Въ первой изъ нихъ доказывалось, что громкій вопросъ о правоспособности юридического лица долженъ разрѣшаться въ смыслѣ ея *ограниченности*, въ зависимости отъ преслѣдуемыхъ даннымъ совокупнымъ образованіемъ цѣлей или, говоря проще, въ зависимости отъ его устава. Во второй послѣ того части, и при этой общей позиціи, обосновывалась полная тѣмъ не менѣе возможность и правильность *утвердительнаго* отвѣта на предложенный вопросъ о правѣ университета («Къ вопросу о правоспособности юридического лица»).

Габріэль Феликсовичъ протестовалъ. Онъ тотчасъ же написалъ мнѣ, что съ первою частью моей брошюры согласенъ вполне, но что вывода, сдѣланнаго во второй ея части, раздѣлить не можетъ: университетъ-де не имѣетъ права отчислять суммы на памятникъ, находящійся *внѣ его стѣнъ*. Въ свою очередь, я возражалъ. Помню, какъ разъ въ тѣ дни въ Москвѣ происходило открытіе памятника Гоголю, причемъ Петербургскій университетъ счелъ долгомъ поручить своему депутату на торжествѣ открытія возложить вѣнокъ у подножія памятника. Вотъ я и спросилъ Г. Ф.: какъ же, съ его точки зрѣнія, надлежитъ смотрѣть на *данный* расходъ, произведенный университетомъ? неужели и въ этомъ случаѣ признать затрату неправомѣрною? И снова безъ замедленія пришелъ отвѣтъ: «Остаюсь послѣдовательнымъ и говорю, что университетъ и на это права не имѣлъ». А затѣмъ въ «Учебникѣ» слѣдующаго, 8-го, изданія, въ параграфѣ о юридическомъ лицѣ, появилась обширная вставка соотвѣтственнаго содержанія.

«Въ лицѣ И. Е. Энгельмана ушелъ изъ міра послѣдній могиканъ русской вѣтви исторической школы, ведущей свое происхожденіе отъ Савиньи и Неволіна» (проф. В. М. Нечаевъ). Къ этимъ—безъ сомнѣнія, справедливымъ по себѣ—словамъ полезно, однако, сдѣлать оговорку. Существенное къ нимъ дополненіе должно, думаю, заключаться въ указаніи на тѣ все же серьезныя и глубокія отличія, которыми характеризуются покойный русскій цивилистъ при сравненіи его съ

общимъ направлениемъ исторической школы и ея представителей. Такихъ отличій, по моему разумѣнію, три.

Это, во-первыхъ, типичное для Энгельмана удѣленіе перво-степенной роли *хозяйственной* сторонѣ дѣла, это тотъ его «экономическій взглядъ», который рецензентомъ труда «О приобретѣніи права собственности на землю», безызвѣстнымъ О. М. Дмитриевымъ, даже былъ названъ взглядомъ «исключительно экономическимъ» («Отчетъ о четвертомъ присужденіи награды графа Уварова»). Съ другой стороны, не приходится доказывать, что для подернутой дымкою романтизма «исторической» школы правовѣдѣнія этотъ взглядъ, ставящій во главу угла—хозяйство, едва ли характеренъ.

Другое отличіе—*критическое* къ данному правопорядку отношеніе. Что чрезмѣрностью критики права не грѣшили ни великій Савиньи, ни его послѣдователи, опять-таки врядъ ли требуетъ длиннаго поясненія. Возрѣніе на право, какъ на продуктъ народнаго духа, продуктъ органической и произвольной, подобно языку подчиненный закону внутренней необходимости,—такое возрѣніе, очевидно, не могло поощрить критическаго отношенія. Совершенно не то наблюдаемъ мы у Энгельмана. Необыкновенно трезвый умъ его, въ связи, надо думать, съ тѣмъ фактомъ неизмѣримой важности, что русское право волею судьбы всегда оставалось формально независимымъ отъ права римскаго,—приводитъ покойнаго къ *оцѣнкѣ* закона, къ повѣркѣ права подъ угломъ зрѣнія его пригодности, цѣлесообразности.

И, наконецъ, въ непосредственной связи съ предыдущимъ, еще третье. Я разумѣю *сравнительно-историческій методъ*, которымъ Энгельманъ пользовался и много и охотно, и сознательно и умѣло. Но и въ немъ, этомъ методѣ, историческая школа совсѣмъ неповинна,—пожалуй, еще даже менѣе повинна, чѣмъ во всемъ прочемъ. Сравнительное правовѣдѣніе выдвигается открытыми *противниками* Савиньи (Тибо, Гансъ), и его, по всей справедливости, слѣдуетъ считать украшеніемъ не исторической, а, обратно, «философской» школы (въ смыслѣ, напр., Беккеровскомъ: «Der Streit der historischen und der philosophischen Rechtsschule»).

Всѣ сейчасъ подчеркнутые моменты—и сугубое вниманіе къ хозяйственному строю, и критическая, а равно сравнительная трактовка права—всѣ они, безспорно, *сближаютъ* двухъ усоп-

шихъ цивилистовъ—какъ въ свою очередь ихъ сближаютъ и энциклопедичность, отмѣчавшаяся нами раньше, и строгая законность, присущая обоимъ въ абсолютно высокой степени.

Но и въ другомъ еще сходятся И. Е. Энгельманъ и Г. Ф. Шершеневичъ—при всей разности происхожденія и поколѣнія, темперамента и симпатій, политическихъ убѣжденій и личной судьбы.

Оба не только писатели-энциклопедисты, но и писатели на рѣдкость продуктивны. Въ «Біографическихъ словаряхъ профессоровъ и преподавателей» университетовъ Дерптскаго и Казанскаго можно найти перечни ихъ трудовъ; эти перечни способны изумить—дотого велико количество содержащихся въ нихъ названій работъ, большихъ и малыхъ.

Притомъ, въ основѣ продуктивности Энгельмана и Шершеневича, несомнѣнно, лежатъ одни и тѣ же свойства. Помимо трудолюбія, методическаго и неутомимаго, неутомимаго до крайнихъ предѣловъ, до послѣднихъ часовъ жизни, не взирая на болѣзнь и страданія,—нельзя не видѣть еще и огромной отзывчивости, психологической прямо потребности откликнуться, реагировать на представшіе, назрѣвшіе вопросы современности—вопросы науки, вопросы практики.

И эта же отзывчивость—едва ли не главнѣйшая вмѣстѣ съ тѣмъ причина того участія обоихъ ученыхъ въ «общественной» и даже политической жизни страны, въ которомъ не счелъ себя вправѣ отказать—одинъ Россіи, другой своей «engere Heimat».

Духовный образъ усопшихъ, въ глубоко признательной памяти нашей, объединяется еще послѣднимъ.

Какъ учителя, какъ независимые и правдивые, какъ искренніе друзья юношества, Шершеневичъ и Энгельманъ точно также стоятъ рядомъ. Своимъ слушателямъ они не только сообщали знанія—они вселяли въ нихъ интересъ и любовь къ праву и его наукѣ и будили рѣшимость работать; они убѣждали въ неизмѣримой цѣнности устойчивой правовой культуры и дѣлились съ аудиторіей бодрящею вѣрой въ постепенное совершенствованіе началъ и условій правового существованія.

М. Я. Пергаментъ.